

Незаконченные рукописи

Исторические предания и песни

К произведениям народной словесности, из которых можно почерпнуть сведения о прошлом чувашского народа, относятся исторические предания, легенды, обыкновенно связываемые с названиями урочищ и именами основателей селений, сказки, песни, пословицы, народные молитвы. К этому в общем обильному материалу, пока еще недостаточно изученному, следует прибавить словарное богатство языка, который в отдельных своих выражениях иногда дает вам возможность бросить взгляд на исторические события или на старый, уже забытый уклад жизни в тех случаях, когда молчат письменные памятники и ничего не говорит устное предание.

Так, напр., имена чувашских божеств позволяют нам установить влияние на религиозное представление народа какого-то административного быта, иерархическая терминология которого перешла на почитаемые чувашами божества. Названия некоторых предметов торгового обихода, напр., *пус*, *тараса*, *мáскал*, *наркáмáш*, *эрмен-пурçáн*, *элмен-пурçáн* и др. свидетельствуют о торговых сношениях с восточными народами, в частности, с персами и армянами, о чем мы узнаем из других источников. Многие имена собственные, уже сделавшиеся в настоящее время нарицательными, содержат в себе воспоминания о различных примечательных личностях, те или другие свойства которых, применяясь в качестве мерила сравнения при оценке поведения или положения многих других напоминавших их лиц, послужили к увековечению их памяти в народном языке. К таковым, м. б., следует отнести слово *шеремет* «несчастный», «бедняга», очень употребляемое у чуваш Козм., Ядр. и Курм. уездов, *апáрша* или *апáрши*, встречающиеся с тем же значением у чуваш других местностей, и многие другие, источник которых иногда мог совсем затеряться за отсутствием исторического предания.

Известия о первых поселенцах и основателях селений отличаются особенным изобилием; имена этих людей иногда передаются в целых генеалогических таблицах, и для будущего исследователя края эти предания могли бы дать интересный материал, напр., при определении центров расселения целых групп населенных мест и пр. Некоторые количества подобных преданий уже собраны, но до сих пор они еще почти не появлялись в печати.

Среди всего этого материала исторические песни являются самым скудным родом народного творчества, и до настоящего времени, насколько мне известно, их записано совсем мало. Бедность этого рода эпической поэзии будет понятна, если мы примем во внимание, что записывание произведений народной поэзии чуваш началось очень недавно; за малыми исключениями, эти записи не восходят раньше второй половины XIX века.

Кроме этого, исторические песни, касавшиеся очень давних событий, могли исчезнуть из народной памяти вместе с исчезновением интереса, который они пробуждали к себе в умах предыдущих поколений. Народ, бывший чуждым деятельной политической жизни и принимавший в ней только страдательное участие, не сохранил памяти о событиях, которые не связывались тесными узами со всем его существом, не потрясли его сознание и не запечатлелись резкими чертами в народной душе.

Следы исторической песни у чуваш, если судить на основании известных нам произведений этого рода, совершенно ничтожны; кроме того, эти песни не принадлежат творчеству сплошного чувашского населения, а, по-видимому, возникли на окраинах, под неоспоримым воздействием русской народной песни. Последнее доказывается, по моему мнению, невыдержанностью размера, особенностями стихосложения, употреблением русских эпитетов, слов и оборотов и общим характером песен. Подобное влияние русской поэзии заметно и в других видах поэтических произведений окраинных чуваш, напр., в песнях солдатских, хороводных и др., в которых мы находим или русские припевы, сопровождающие основной текст песни, или простое переложение ее на чувашский язык.

Мне известны следующие исторические песни чуваш: песня о поимке и казни Пугачева, песня о смерти царя Александра, песня о трагической смерти Ивана и отрывок из песни о житье-бытье удельных крестьян.

Все эти песни нужно считать довольно старыми: они записаны более двадцати лет тому назад. В первой из песен, которую пели старики с Белой Горы Бегучевской вол. Петров. у. Сарат. г., рассказывается о событиях, происшедших в феврале «семьдесят третьего года», когда, по ее словам, в Казани произошло страшное смятение: население города и стоявшая в нем «гусарская сила» ловили страшного Пугача. Песня повествует с эпическим спокойствием о том, как пойманного Пугачева повесили на горькую осину, как сожгли в срубе его тело и развеяли прах по чистому полю. Тут же выводится личность какой-то Маруси, по-видимому, любовницы героя, которая обливалась горькими слезами при виде его несчастной участи. Какие-то лица, кто – неизвестно, утешают ее и обещают взять ее с собой и обходиться с нею, как с родной сестрой. В этих простых словах утешения, обращаемых к несчастной женщине, лицу, по-видимому, легендарному, сказалось скрытое чувство народа к погибшему вождю народного восстания.

< Метафоры в области мимем >

К подражательным метафорам я отношу все те случаи, когда мимема употребляется в несобственном смысле, т.е. для выражения понятия, не вполне соответствующего ее основному значению. В чувашском языке сюда можно отнести: *кӑнт*, п. натяжению вымени у коровы, п. настораживанию ушей, по-видимому, от м. *кӑн*, первоначально означавшей звон (срав. звон натянутой струны), *вӑр-вар*, п. быстрому проворному движению, от м. *вӑр*, п. быстрому верчению или содроганию; *йар* «прямой-прямой, по прямой

линии» (см. Paas., 21); *йар-йар* «полосатый», *йар-йар шорă* «с белыми полосами» (Сред. Юм.); *йар сұтăличчен* «до полного рассвета» (Пухтел); см. *йăр-йăр*; от *йар*, п. свободному движению в одном направлении (ср. *йарăлтат* «плыть, оставляя след, рассекая водную гладь»; напр. об утке).

Отсюда произведена м. *йарт*, п. краткому скользящему движению, п. моментальному однократному испусканию мочи; п. широкой рыси лошади: *çап-сұтă пăр çинче ура йарт шуса карё те*, < >

Кăйт первонач. легкое шуршащее движение. Ср.: *Сасартăк хăйсен кўришĕ ачи Ваçилене аллинчен кăйт тытрĕ* (Сунт., 25, № 8, 5). *Хăпăл-хапăл вăрлăхне хуçи сўрине пăрахать, ун çине сухи пуçне хурать* (Сунт., 25, № 8, 8).

Лат. *taratantara*, п. звуку трубы в стихе Эннĳа, заимствованном у него Вергилием; последний, однако, заменил это шероховатое слово другим выражением. Целые мелодии передаются имитациями. Бармины доставили мне целую чувашскую песню (*олахри таишă йорри*), которая непереводима на другой язык и представляет собою попытку изобразить подбор подражательных слов со звуком н – игру на любом чувашском инструменте – гусях (*кĕсле*). Вот она:

Кăлттин-кăлттин кăлта вĕççĕн,

Тевĕт-тевĕт тĕве вĕççĕн,

Шакăльти те макăльти,

Шакла Йаван Ваçали,

Кăмпăр-кăмпăр ут ори

Чăнкăр-чăнкăр чĕн йĕвен.

Парни-сави арчара;

Качакисем картара;

Воник икерч çу çинче;

Картлă-картлă пашалу,

Карчĕ тăрăх çу йохать.

Āна камăн çимала?

Йаванпала Марийан.

Напев первых четырех строк песни следующий: <...>

Каждая из остальных девяти строк поется на мотиве четвертой строки, четыре первых строки непереводимы, смысл остальной части текста следующий: «...Василий, сын Ивана Шакла, топота конских ног (по земле или по полу конюшни) звенящая ременная узда. Приданое (белье) девушки – в сундуке¹, козы – в карде; двенадцать блинов – в масле, писаная лепешка, по ее надрезам течет масло. Кому ее есть? – Марии с Иваном».

У черемис – игра на пузыре. Ср. струна – *спрень-брень* (тренькать).

В. Вунд, давший, как полагают, наиболее продуманную и цельную теорию происхождения языка, вообще отрицает существование связи между словом и представлением. Здесь тотчас же является вопрос: что сообщает произнесенному таким образом звуковому комплексу (*Laut*) то свойство, благодаря которому он кажется слушателю соответствующим объективному впечатлению или вообще так или иначе подходящим выражаемому явлению? Если звуковое выражение является как простое

инстинктивное движение, то наивное предположение, что это выражение представляет собою намеренное подражание звуковому впечатлению или намеренную передачу какого-либо другого чувственного раздражения в образе звука, отпадает само собою. Связь между звуком и значением тогда не может быть преднамеренной, она может возникнуть только потом, дополнительно. Звук был образован не потому, что он обладал определенным сходством с объективным впечатлением, но, наоборот, он сделался подобным впечатлению, так как это необходимо вызывалось артикуляционным движением, из которого он возник.

Таким образом, нам приходится обратиться к тому, что собственно производит звук, т.е. к звуковым движениям органов произношения. Дело в том, что внешнее впечатление находит себе непосредственное выражение не в звуках, а в звуковых движениях органов речи. (Очевидно, все виды так называемых «звукоподражаний» представляют тот случай, когда эти движения подражают какому-либо внешнему движению или непосредственное действие такового, которое еще позволяет ясно распознать характер движения).

Произвольность здесь исключается самою природою первоначальных инстинктивных движений. Подобно тому, как всякий живонастроенный наблюдатель сопровождает наблюдаемый им двигательный процесс мимикой и жестами, точно так же должны смотреть на эти звуковые движения и мы, т.е. как на движения, которые, выражая субъективные чувства, возбуждаемые впечатлением, в то время произвольно подражают и самому процессу (явлению), возбуждающему это чувство. Подобные сопроводительные движения, к которым тут же могут примыкать жесты, передающие другие чувственные впечатления, представляют <...>.

<Об изучении народной поэзии>

Изучение народной поэзии немыслимо без изучения народного быта, так как она, будучи связана тысячами нитей со всею жизнью народа, вместе с тем не отражает в себе всех ее явлений, нередко остающихся совершенно в тени, несмотря на их весьма важное значение в жизни данного племени. В своем творчестве народ любит выражаться намеками. Иногда только легкий штрих бросает слабый луч света на ту или иную черту народного характера, на ту или иную особенность народного быта, которая остается для нас неразрешимой загадкой, пока мы не найдем ответа во всестороннем исследовании народной жизни. Самые, казалось бы, ясные и понятные вещи являются при их углубленном изучении в совершенно ином освещении, и мы, к изумлению своему, замечаем, что то истолкование, которое мы давали, не правильно и коренится в особенностях нашего национального, а иногда и индивидуального мировоззрения. Кроме того, изучение поэтического творчества народа должно быть историческим, так как его настоящее выросло из про <...> последнего теряются в не <...> веков.

Обращаясь, в частности, к чув<...> должны, к сожалению признать, что <...> период их поэтического творчества <...> всем неизвестны; если не считать <...> отражений этого периода, которые сохранились для нас как старые переживания в современной нам чувашской поэзии, то мы должны сказать, что он исчез для нас безвозвратно. Самые ранние записи восходят не дальше конца XVIII века. Правда, народная словесность тюрков, в особенности сибирских, может давать нам известный материал для косвенных предположений о более раннем состоянии чувашского народного творчества, но эта словесность весьма мало изучена и, кроме того, ее древний период нам столь же мало известен, как и древнее творчество чувашского народа.

Самым обильным источником, из которого мы можем почерпнуть понимание чувашского прошлого, является разговорный язык, который, передаваясь из поколения в поколение и подвергаясь непрерывным изменениям соответственно переменам как в жизни личности, так и в жизни всего народа, сохраняет в своем составе отрывки древней истории и обломки древних воззрений. Сам по себе весь язык есть творчество, и то, что мы называем творчеством в обычном употреблении этого слова, есть только часть словесного богатства народа, обособившаяся от повседневного, будничного обихода вследствие ее особенной важности или особенного интереса. Изучение народного творчества тесно примыкает к изучению языка: успехи в исследовании последнего приносят с собою и новые приобретения в области истолкования народной словесности, а расширение поля наблюдений в отношении народного творчества содействует выяснению явлений в сфере языка. Язык поэзии более архаичен, чем обиходная речь, между прочим, и потому, что произведения народной словесности нередко связаны определенной формою, и потому менее подвержены изменениям, чем разговорный язык.

К наиболее <...>

Никогда не иссякающий, вечно обильный источник народного творчества таится в глубинах человеческой личности, он проистекает из неизменно присущего всему живому, ничем непобедимого стремления к созданию более совершенных форм бытия, к закреплению сделанных достижений, к утверждению собственной индивидуальности.

Постоянная потребность встает в гармонию с окружающим, к уничтожению противоречий между внешним миром и своею внутреннею природою, желание объяснить себе и подчинить все непонятное, и потому страшное, а часто прямо ему враждебное в окружающем привели человека к созданию искусств и наук и породили <...>

<О своеобразии языка и поэзии >

1. Стремление к точности перевода иногда может быть ошибочным, если переводчик передает не мысль, а только слова. Благодаря этому получается загромождение речи ненужным набором слов, который, вдобавок,

искажает смысл речи, ибо каждое лишнее слово вносит особую идею, которая лежит в его основе, и, следовательно, перевод передает нечто лишнее, сравнительно с его подлинником.

2. Подобные промахи в переводах объясняются иногда ложным взглядом переводчика на язык как на орудие выражения мысли. Язык представляет собою внешнюю форму мысли, и он потому может выражать с известной точностью лишь мысль народа, который его создал, вложив в его слова и в весь его строй лишь ему одному присущий мир идей. (Язык – это высшая форма мысли народа, и эта форма приняла определенность, сама по себе может воздействовать на мысль и направлять ее в известное русло.) Мышление каждого народа находится в прямой зависимости от природы той внешней среды, в которой он живет, и от характера возникающих здесь влияний, поэтому в основу каждого языка ложатся те образы, которые возникают у народа в его личной обстановке. Поэтому, собственно говоря, самая простая фраза, взятая на одном языке, будучи переведена буквально на другой язык, является искаженной по своему внутреннему содержанию, нежели она была первоначально в подлиннике. Дело в том, что наши понятия, представляя собою известные формы отвлечения, вместе с тем сохраняют совокупность отпечаток тех конкретных образов, от которых они отвлечены, так как имеются серьезные доказательства, что вполне отвлеченного мышления не существует. Каждая отдельная личность вкладывает в свои слова своеобразное личное содержание, то же самое – и народ.

Последнее легко проследить на отдельных словах: конь, орлица, река, молодежь, брат, сестра, удалой, любоваться, грустить, тосковать, горевать. Идиотизмы. Галлоцизмы.

Благодаря своеобразности окружающей природы и личных задатков, у каждого народа вырабатывается своеобразное поэтическое творчество, своеобразные метафоры, своеобразные сравнения, которые не имеют смысла в другом языке (чув. *янтар пек, упӑте пек, кантӑр пек, пуса пек, йӑрӑх пек, сухӑр пек, сенӑк юпӑ, су сурта*), поэтому творчество одного народа с трудом передается на другом языке, оттого редки хорошие переводчики, оттого чужое творчество почти непередаваемо на другом языке.

Из некоторых вышестоящих примеров видно, что нередко поэзия народа основана на том или другом отношении к предмету: предмет, вызывающий удивление или кажущийся привлекательным одному народу, может не быть таким для другого народа (разница в степени культуры). Примеры: *ана тӑрна, ама тӑрна* – журавлиха, *ӑмӑрт кайӑк ами* – орлица; *уӑӑм пек, ӑырла шывӑ пек, тиек пек*.

Поэтому для переводчика недостаточно одного местного разговорного языка, он должен изучать различные говоры, народное творчество; песни, сказки, язык, молитвы, ибо в них много материалов для обогащения переводческого языка.

Мимема (подражания)

Подражательные слова являются наиболее древними формами в языке. Многие слова, а, может быть, весь язык целиком своим происхождением обязаны подражательным словам. Если подражательные слова, сохраняясь до сих пор в языке, играют большую роль, то их сохранение объясняется их аффективным характером, т.е. заметная интенсивность чувства, которою сопровождалось их произношение, обеспечивало их сохранение. Что эмоция способствует сохранению их более ранних форм, нас убеждают многие примеры. Так, напр., если возьмем несколько турецких слов, имеющих в первом слоге гласный «а»; *араба* «телега», *ала* «пегий», *бат* «увязни», *кат* «слой», *сал* «плот» и сравним с соответствующим чувашским, то мы увидим, что в тех же словах вместо общетурецкого «а» являются «у» или «о»: *арана* (*урана*), *ола* (*ула*), *пот* (*пут*), *хут*, *солӑ* (*сулӑ*). Это означает, что более раннее «а» с течением времени в чув. яз. перешло в более узкий звук *о* или *у*. В прилагательном *хан-хура* первое «а» сохранило свое старое произношение, а второе подвергнулось изменению потому, что первая часть выговаривается с особенным сильным подъемом чувства, тогда как вторая часть произносится без достаточной сильной эмоции. Данное объяснение применимо и к слову *ҫап-ҫутӑ*.

В языках индоевропейских мимемы немногочисленны; большею частью они здесь могут быть наблюдаемы только в составе слов других категорий не аффективного характера, где они, становясь корнями, теряли полноту чувственной мощи. Здесь, с одной стороны, влияние обычая, требующего умеренности в выражении своих аффектов, с другой стороны, преобладание сухого рассудочного отношения к действительности могли содействовать исчезновению подражательных междометий. Простота быта и несложность общественных отношений, в особенности тесная близость к природе, могли содействовать сохранению подражательных слов в языках народов, стоящих близко к природе.

В чувашском языке подражательных слов гораздо больше, чем в других турецких языках, и поэтому чувашский язык в этом отношении представляет большой интерес. Я надеюсь, что к чувашскому языку будет тяга многих ученых – не только тюркологов, но и индоевропейских лингвистов.

Говоря о подражательных словах, я употребляю это выражение в очень обширных значениях, включая в эту категорию не только подражания звукам, но также и подражания явлениям движения, а равно и явлениям световым.

Таким образом, мною будут рассмотрены следующие категории подражательных слов:

- 1) звукоподражания;
- 2) подражания явлениям движения, и, в частности, световым;
- 3) подражания звуковым явлениям, источником которых являются части речевого аппарата;

4) подражания явлениям незвукового порядка, имеющим место в человеческом организме;

5) детские слова отпечаточного типа.

Звукоподражания. Эта категория мимемы получилась благодаря стремлению человека к созданию звуковых образов, благодаря его склонности к подражанию звукам внешнего мира. Нет никакого сомнения, что многие слова явно носят звукоподражательный характер, напр., чувашское *куккук*, *кукку* «кукушка» образовалось от мимемы *ку-ку*, *чепчем* «чиж» – от мимемы *чеп-чеп*, *майпӑран* «лазоревка» – от мимемы *май-май*, *шӑпӑлчи* «зяблик» – от мимемы *шӑпӑл-шӑпӑл*, п. лепетанию, каз.-тат. *карга* «ворона» – от мимемы *кар* и др.

Также мало можно сомневаться в подражательном происхождении слов, обозначающих звон или звучание натянутой струны. Для этого разряда слов характеристичными являются звуки *л*, *р*, а также *н*^Г. Из многих примеров употребления звука «н» в словах упомянутой категории можно отметить чувашские мимемы: *тан*, п. звону колокола, *пӑн*, п. звону натянутой проволоки, *чӑнк-чӑнк*, п. звуку, издаваемому кузнецом при ударе о наковальню. Из других примеров с употреблением звуков «л» и «р» можно отметить *шӑлтӑр-шӑлтӑр*, п. звону ведер, *пӑлтӑр-палтӑр*, п. кувырканию.

Для того, чтобы подражать, нужно было уже иметь привычку к разнообразному комбинированию звуков. Все многообразие окружающей природы первоначально выразилось у человека лишь в немногочисленных мимемах: вот почему одно и то же подражание часто имеет различные значения и отражает в себе целый ряд явлений, иногда имеющих между собой лишь довольно отдаленное сходство. Таково, напр., *ҫат*, 1) п. удару ладонью по лицу, 2) п. удару волн о берег, 3) п. удару книгой по руке.

Для **светоподражательных** частиц весьма характерными звуками в чув. яз. являются *й*, *ч*, *р*, *л*. Последний звук встречается как в световых обозначениях, так и в мимемах движения. Чувашские *йал*, *йалт*, *йӑлтӑр-йалтӑр*, *йӑл-йал*, *йӑлт-йалт*, *чӑл-чӑл* представляют именно подражания блеску разных оттенков: *йӑлкӑш* «пылать», *йалтӑртат* «сильно блестеть», каз.-тат. *йалт-йолт*, *йолтыр-йолтор*, и. сверканию, *йал* «пламя».

Лок-лок, п. звуку, получающемуся при встряхивании усохшего яйца, *лак*, п. лаканию собаки, *лак-лак*, п. быстрому вытеканию воды из четверти.

Звук *р* встречается в следующих подражаниях: *йарр*, 1) п. движению падающей звезды; *ҫӑлтӑр йарр анчӑ* «звезда упала»; 2) п. прямому движению молнии; *ҫиҫӑм йарр ҫиҫсе анчӑ* «молния сверкнула по направлению вниз»; 3) п. плавному реянию птицы; *салакайӑк тӑмани йарр анчӑ* «воробьятник прямо спустился вниз». *Йӑр-йӑр* п. плаванию рыбы. Ср. алт. *йары* «светить», *йаркын* «сияние», «свет», *йарт* «ярко».

Некоторые из светоподражательных слов могли подвергнуться фонетическим изменениям, таково слово *ҫурӑм пуҫ* «заря», которое следует отнести к турецкому *йаркын* «свет».

Подражания звуковым явлениям, или отпечаточные слова. Способность к артикулированию звуков в том смысле, как мы это видим в

современных языках, выросталась не сразу. Живым доказательством этому служат те подражательные слова, которые заключают в себе звуки, совершенно не встречающиеся в других разрядах слов. Таковы, например, междометия *тпру*, которым чувашаи останавливают лошадь; пишем *тпру*, а между тем оно представляет один губно-дребезжащий звук; *зм* – мимема недоумения. Мы пишем *зм*, но на самом деле не произносим ни *з*, ни *м*, а издаем какой-то нераздельный, хотя и сложный гортанно-губно-носовой звук. *Пкх*, п. звуку, который издает кошка при чихании.

Следовательно, мимемы раньше представляли собой нечто более хаотическое, что потом расчленилось на отдельные артикулированные звуки. Первоначальное звуковое строение мимем изменяется сообразно тому направлению, которое взял данный язык в отношении трансформации своих звуков. Каждый отдельный звук, повторяясь при различных условиях, при подражании разнообразным явлениям природы, как бы приобретал значение особой индивидуальности.

Как рефлекторные, так и сопутствующие звуки, издаваемые голосовыми органами человека при различных настроениях и биологических процессах, напр., удивлении, горе, плаче, смехе и т.д., послужили к образованию особых мимем, которые я называю **отпечаточными** словами.

Сообразно с тем, где возникают сопровождающие звуки, т.е. в полости ли рта или в полости носа, или в гортани, или в полости губ, получившиеся из этих звуков отпечаточные слова могут быть разделены на несколько разрядов.

Отпечаточные слова гортанного типа получились в гортани при дыхании, кашле, хрипе, при старании сдвинуть с места тяжелый предмет и т.д.

Отличительным признаком их служат звуки *к*, *х*, *h*, а также <...>. Сюда относятся в чув. яз.: *харр*, п. храпению; *хър-хър*, п. хриплому дыханию; *хаиш*, п. дыханию старого человека; *хъш-хъш*, п. тяжелому дыханию больного человека; *хъшиш-хъшиш*, п. дыханию спящего; *хъшитик-хъшитик*, п. слабому отрывистому дыханию; *ик*, п. иканию и т. д. Каз.-тат. *ык-мык*, п. кряхтению человека, не знающего, что ему сказать, в азерб. *хыжылты* «храпенье».

Отпечаточные слова носового ряда возникли из тех звуков, которые зародились в области носа при нюхании, мычании, плаче, сморкании, фыркании, сопении, стоне, мямлении и т.д.

Носовой согласный звук *м*. К словам этого ряда принадлежат: *мърт-март*, м. неудовольствия; *мъйй*, п. плачу маленьких детей, *кълт тёмте те сук*, *туххъм мъйй! тавать*, «нельзя и притронуться, сейчас захнычет»; *мък-мак*, м. заминки; *мъкъл-макъл*, п. тихому и тайному разговору; *мъкър-макър*, м. бормотанья. В каз.-тат. нар.: *мыймылда* «трястись от полноты», *мышкылда* «пыхтеть»; в ост.: *мыр-мыр*, п. бормотанью; *мыз-мыз* «жалкий человек, который не может сказать решительного слова»; в азерб.: *фыхных*, п. фырканию, *фыхтырых* «сопли».

Звуки, отпечатлевшиеся в отпечаточных словах ротового ряда, возникают в полости рта при питье, еде, жевании, сосании, глотании,

чмокании, хлопании губами, дуновении, смехе и т.д. К словам ротового ряда относятся в чув. яз.: *хаххаххах*, п. хохоту; *ху*, п. усталости; *лёрён*, п. звуку жидкости, втягиваемой в рот; *лач-лач*, *чан-чан*, мимемы чавканья; *чӑп*; п. тихому поцелую; *чӑп-чан*, 1) п. двум поцелуюм, следующим один за другим, 2) п. хлебанию, заключающемуся в нескольких хлебках: *чӑп-чан тума та ситмерё* «похлебки не хватило даже на несколько хлебков», *сӑр-сӑрр!* *туса карё* «почувствовалась дрожь». *Пётём кёлетке сӑркӑлтатса сӑррет* «все тело ноет». В каз.-тат. нар.: *чилирда* «ныть».

Мы уже не раз наблюдали, что подражательные слова разных языков как в отношении фонетическом, так в отношении семасиологическом не совпадают между собой. Это несходство однозначных подражаний в языках может иногда объясняться также и той причиной, что один народ воспринял слуховую, а другой – зрительную сторону явления: в первом случае мы имеем акустический, во втором — зрительный тип подражания; так, напр., сильный смех в чувашском языке передается подражательной частицей *лах-лах*, в нем. яз. понятие «улыбаться» передается словом *lachehn*, т. е. здесь в обоих случаях акустического типа, а у каз.-тат. смех передается глаголом *кылмай*, словом зрительной категории.

Кроме того, при восприятии того или иного явления внешнего мира могли играть большую роль и недостатки, и неодинаковая чуткость слухового аппарата, который как у отдельных племен, так и у отдельных личностей, мог отличаться в известную эпоху некоторыми особенностями.

Сравнивая между собой слова различных языков, означающие, напр., такой сравнительно-простой физиологический акт, как сосание, мы находим, что они часто совершенно не похожи одно на другое: так, чув. *ём*, каз.-тат. *им*, осм. *ем*, азерб. *ам*, мадьяр. *szop-ni*, лат. *sugo*, нем. *sangen* и т.д.; в одних словах отмечено участие носовой полости и губ, в других же запечатлелись движения языка.

Отпечаточные слова губного ряда образовались на почве движения губ. Из них можно указать: в чув. яз. *пак-пак* – 1) п. многократному, равномерному движению губ при попыхивании трубкой, 2) п. звуку при еде сухого хлеба; *пӑшт*, м. умолкания; *пӑшт пулчӑ* «замолчал», *ёф ту* «задуй свечу или лампу», в каз.-тат. нар. *пышык-пышык*, п. тихому плачу, *пыш-пыш*, п. шепоту; в осм. нар. *пуйф*, п. легкому дуновению ртом; *паф*, п. лопанью, *уйфле* «дуй».

В создании отпечаточных слов смешанного типа участвовали одновременно несколько названных нами областей. К этой категории относятся: *хомп-хомп*, п. хлопанью губами; *нӑк*, п. особому кряканью, которое издает человек, когда его толкнут о землю.

Подражания явлениям незвукового порядка, имеющимся в человеческом организме: *кӑлт! кӑлт!*, п. биению сердца.

К детским словам отпечаточного типа я отношу те слова, которые возникли на основе произвольных звуков, производимых ребенком при отвращении и т.д. Взрослые люди вкладывают в издаваемые им звуки определенное содержание. Примерами могут служить в чувашском языке

следующие слова: *мемме*, *мамма* «хлеб», вообще «еда», *ах* «вода», *тюттю* «молоко», *тетте* «красивая вещичка» или «игрушка», *папак* «ребеночек», *паппа ту* «усни», *какка* «гадкое, некрасивое, безобразное» и т.д.

В заключение остается сказать, что подражательные слова в языке сыграли большую роль в области словообразования, что можно подтвердить примерами из чувашского языка, где они, т.е. некоторые из мимем, или отошли в другие категории слов, или вошли в состав производных и уже потеряли свежесть и четкость первоначального подражания, или утратили прежнее узко-конкретное значение и стали употребляться для выражения более общих, абстрактных понятий.

Подражательные слова в чув. яз. часто употребляются в смысле прилагательных и переходят в их категорию: *чӑнкӑр-чанкӑр тенкисем* «звонящие монеты», *шӗлтӗр-шелтӗр ус сулси* «шелестящие осинового листья», *хӑлтӑр-хӑлтӑр урапи* «расхлябанная телега», *йапӑл-йапӑл ҫынна ан ҫыхлан* «не связывайся с человеком поверхностного взгляда», *машӑлти ҫын* «мешковатый человек», *мӑшкӑлтӑк шыв* «помой», *йӑлтӑрти куҫ* «блестящие глаза». *Йӑлтӑрти-йӑлтӑрти ҫиҫӗм курӑнса карӗ* «блеснула сверкающая молния».

Подражательные слова употребляются в роли существительного: *ҫӑтӑр-ҫатӑр*, п. хрусту хвороста; *паян ҫӑтӑр-ҫатӑр хутрӑм-ха* «сегодня мелким хворостом истопила печку». *Шӑкӑр-шакӑр*, п. разнообразному стуку мелких вещей; *пасарта тӗрлӗ шӑкӑр-шакӑр илтӗм* «на базаре разные мелкие вещи купил». *Пӗл-пӗл*, п. горению слабым мигающим огоньком; *пӗл-пӗл ҫутса лартрӑм* «зажег маленькую лампешку без стекла».

Мимема > глагол: *чӗр*, п. звуку скрипящего пера; *чӗр-чӗр-чӗр чӗрет* «скрипит пером на бумаге»; *шӑн*, п. тихому звону, а также означает «мерзнуть».

От мимем подражания при помощи производственных аффиксов образуются глаголы, о чем частично речь была раньше.

НА ЧНИИ, отд. IV, ед. хр. 142. С. 101-109.

Тексты подготовлены к печати В. Г. Родионовым.

Ашмарин, Н. И. Незаконченные рукописи / Н. И. Ашмарин // Слово = Сӑмах : 1993 : исследования и тексты / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 1994. – С. 85-96.